

*Посвящается Марисе Корвисьеро.
Агенту, другу, спасительнице.*

И даже когда в голове сгущается
тьма, расплываясь чадными завитками
черной гнили, когда я вдыхаю смрад
умирающего мира, а кровь в моих жи-
лах превращается в кипящий пурпур,
я нахожу утешение в одной мысли.
У меня были друзья, а у них был я.
И это главное. Это единственное, что
важно.

Книга Ньюта

Пролог

ГОЛОСА ИЗ ПРАХА

Томас нашел дневник через три недели после конца света. И до сих пор был удивлен. Как? Когда? Когда и как? Когда успел его друг все это написать, как эти страницы оказались в одной из нескольких коробок, отправленных с помощью Плоспера еще до того, как совершили переход Томас с друзьями? Конечно, это сделала Ава Пейдж, которая всегда занималась такими вещами. И опять же: как, когда? Два слова вертелись в голове, словно назойливые гости, не желающие уходить, хотя вечеринка давно закончилась.

Томас сидел на любимом выступе любимого утеса, разглядывая бесконечный океанский простор. Чистый морской воздух чуточку отдавал рыбой и сладостью разложения. Мелкие прохладные брызги щекотали кожу, нагретую стоящим в зените солнцем. Томас закрыл глаза, чтобы не видеть вездесущей линии горизонта, из-за которой казалось, что ты застрял на Луне. Или на Марсе. В другой галактике. На небесах. В преисподней. Какая разница? Он поерзал на краю скалы, устраиваясь поудобнее, и свесил ноги над грохочущей черно-синей бездной, вдали от всего остального мира.

Конечно, здорово. Никто не спорит. Но то, что удалось избежать болезни, сумасшествия и гибели, не уменьшало грусти от потерь.

Мысли вернулись к дневнику. Томас открыл глаза и взял покоробившуюся, испачканную тетрадь с полки из песчаника, словно специально выточенной резцом времени для священного артефакта. Именно так: священного артефакта. Осторожно раскрыв лежащую на коленях книгу, он пролистал страницы, густо исписанные неровными детскими каракулями. Слова уползали то вверх, то вниз, сила нажатия менялась, штрихи становились все толще, а буквы — разнокалибернее... Каждая новая страница воочию представляла то, что с душераздирающей ясностью показывало содержание записей: его лучший друг постепенно погружался в полное, ужасающее безумие. В конце дневника оставалось около тридцати пустых страниц, а на последней было яростно нацарапано огромными буквами одно слово: ПОЖАЛУЙСТА.

«Господи, Ньют, — подумал Томас. — И так тошно. К чему весь этот бесконечный ужас? Какого дьявола ты не только это написал, но и позволил, чтобы дневник попал в руки Авы Пейдж? Зачем?»

Несмотря на одолевавшие его тяжелые мысли, Томас любил этот дневник, эту книгу. Хотя слова друга причиняли боль, они все же помогали увидеть полную картину — холст, на котором написана часть жизни Ньюта. Чтобы запомнить. Чтобы запомнили дети. Музейный экспонат

с воспоминаниями, хорошими и плохими. Для потомков.

Томас пролистал страницы и выбрал одну наугад. Правда, он сжульничал и вернулся слишком далеко в начало, когда симптомы Ньюта только начали проявляться. Никто точно не знал, когда Ньют начал писать, потому что он не ставил дат и не описывал конкретных событий. Но сейчас Томас читал описание дня, когда они оставили друга в берге, а сами отправились в Денвер. Томас впитывал, смаковал каждое слово.

«Чувствую себя последним мудаком, но надо отсюда валить. Не могу больше. Люблю их. Больше, чем кого-либо в жизни. Ясное дело, потому что не помню родителей. Только мне представляется, что такой и должна быть семья. Да, семья: Томас, Минхо, все. Не могу больше с ними оставаться, ни дня. Я подыхаю, и это не какая-нибудь гурацкая шутка. Я задолбался. Больше не могу. Меня для них нет. Все кончено. Смерть. Хватит уже возиться с этим дневником, надо написать записку».

Томас закрыл дневник и вернул на импровизированную полку. Лег на бок, поджав ноги и положив руку под голову, и уставился на безбрежную поверхность моря, простиравшуюся до немислимых пределов, куда хватало глаз. Там, в волнах, в холодной глубине, живут миллиарды существ, не ведающих, что такое шизы, пустыни и лабиринты. Плавают, ищут еду; видимо, их мир тоже пострадал от солнечных вспышек, опустошивших землю, хотя, судя по всему, выздоровли-

вадет значительно быстрее. Рано или поздно природа залечит свои раны.

«А вот как насчет людей? — задумался Томас. — Что будет с нами?» И вдруг, хотя его глаза были широко открыты и смотрели на бескрайние океанские просторы, он увидел лица друзей. Ньют. Тереза. Алби. Чак. Столько загубленных жизней...

«Прекрати ныть! Хватит думать обо всей этой чуши, хотя бы сегодня».

Он встал, схватил дневник Ньюта и пустился вниз по тропинке, петляющей вдоль скалы и ведущей к новому Глэйду. Поляна пока не отличалась большими размерами, но когда-нибудь... Людям только дай шанс.

— Эй! — крикнул кто-то сверху. Фрайпан. — Я придумал новый способ готовить эту чертову рыбу!

Томас уже слышал ее запах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Семьдесят три года спустя

«Странная штука — терять то, что любишь. Я часто задумываюсь о потерях. Если бы я мог вернуться в прошлое, в далекие годы детства, и некое волшебное, сверхъестественное существо показало мне будущее и предоставило возможность выбора, что бы я предпочел? Если бы эта божественная сущность открыла мне две главных утраты в моей жизни и позволила избежать только одной, что бы я выбрал?

Что ты выберешь, Ньют, — сказала бы это небесное существо, — разум или друзей?

Теперь я знаю ответ:

— Какая разница?»

Книга Ньюта

Глава первая

ТРОЙСТВЕННЫЙ УЖАС

1

Александра

Александра Романов стояла на балконе своего дома на Аляске и смотрела на город, мерцающий в темноте желтыми огоньками газовых фонарей в окнах и на углах улиц. На безоблачном небе сияли звезды, пронизывающие тьму крошечными световыми копьями. Чистый прозрачный воздух обнимал ее за плечи, садился теплым невидимым туманом на волосы, на одежду и кожу. Она глубоко

вдохнула, любуясь с высоты птичьего полета тихим, безмятежным пейзажем, раскинувшимся внизу.

Ее мир. Аляска. Существовали и другие... другие миры. Остатки нации где-то на просторах Небраски. И сумасшедшие врачи в Калифорнии, которые делали вещи, не приемлемые для здравомыслящих людей. Но все это пока далеко. Аляска принадлежит Александре.

Ничего, что приходится делить ее с другими. Николас. Михаил. С Николасом и Михаилом. Она считала Аляску своим единоличным владением. Упивалась властью, словно все это принадлежало ей одной. Вероятно, когда-нибудь так и будет. А пока надо оттачивать навыки Эволюции и, возможно, исподволь ослаблять остальных, время от времени перекладывая на них груз своей ужасной цели. На террор отвечать террором. На трагедию — трагедией.

Правду говорят, беда не приходит одна. Смерти, землетрясения, торнадо часто случаются по три подряд. Она знала в жизни только один «комплект» тройняшек, но эти детишки были настоящими исчадиями ада. Александра до сих пор с содроганием вспоминала их пронзительные вопли в ночь Эволюции. Покончила с этими дикими криками не она, хотя, если честно, была как никогда к этому близка. А какое невероятное облегчение она испытала, когда наступила благословенная тишина!

С незапамятных времен известно: все страшные трагедии приходят по три. Их тоже было трое: превращенное Божество, способное мгно-

венно осмыслить слова, сказанные за всю жизнь; управляющее своими чувствами, как машина; вся эта физиология, химикалии, эндорфины; умственный потенциал вселенских масштабов, позволяющий впитывать весь свет и знание. Они эволюционировали, в этом не может быть никаких сомнений. Тем не менее Александра отлично осознавала, что превосходит остальных двоих, вместе взятых. А пока их трое.

В мозгу проносились воспоминания, все одновременно. Вспышка, ее многочисленные разновидности, настройка мозга на исправление неисправимого. Возможно, все это было неспроста — тысячелетия ужасающих троек, готовившие человеческий род к тому, что зародилось и появилось на свет ради искоренения всего этого ужаса — любыми путями, любыми средствами.

Божество.

Ей дьявольски повезло.

— Богиня Романов?

Проклятье. Она надеялась, что можно будет потянуть время. Ни минуты покоя. Отвернувшись от городских красот, она встала лицом к мужчине, назвавшему ее имя. Высокий, долговязый — ходячее дерево. Александра подсознательно удивлялась, что его суставы не трещат и не ломаются при каждом шаге.

— Что такое, Флинт?

Помощника звали иначе, ей просто хотелось называть его так. Это его... как бы принижало, и Александру это устраивало. Даже очень.

— Произошел сбой в ротации паломников.
Его голос скрипел, как несмазанная телега.

— Вот точные цифры, но к утру мы будем отставать как минимум на восемь процентов во всех районах города.

Александра внимательно изучала своего подчиненного, используя все знания, полученные при помощи Вспышки. От нее не ускользнуло ни единое движение мышц, глаз, даже самое незаметное. Главного, ради чего пришел, он так и не сказал.

— Выкладывай, Флинт. Что, черт возьми, случилось?

Он смущенно моргнул, затем испустил смиренный вздох, осознав, что темнить бесполезно, поскольку для Богини его лицо — открытая книга.

— В красивых ямах убиты семеро паломников. Это сделано... с жестокостью.

— С жестокостью?

— С чудовищной жестокостью.

Он медленно поднял планшет и папку с бумагами, как будто собираясь найти там информацию, но отказался от этой идеи и опустил руку.

— Четверо мужчин. Две женщины. Один ребенок. Мальчик. Их...

— Выпотрошили, — перебила она. — Выдолбили изнутри, не так ли?

Мужчина слегка побледнел.

— Да, Богиня. Надо сказать, сделали это мастерски. Вычистили. Ээ... внутренностей нигде не нашли. Остались только голые ребра.

— Будь он проклят, — с трудом сдерживая гнев, прошептала Александра.

Она прошла по цифрам, повторила точную математическую последовательность, которая помогала обрести душевное спокойствие, заставляя мозг выпустить необходимые химические вещества.

— Ты знаешь, где он?

Флинт отлично понимал, о ком она говорит: Александра читала по его глазам так же легко, как он — по графикам и таблицам, которые всегда носил с собой. Она знала, что у него перед глазами стоят эти несчастные жертвы — располосованные сверху донизу люди, из которых безжалостно и хладнокровно вынули их жизненную суть. Кровь, смрад, ужас... Это мог сделать и не слететь с катушек только один человек. Оба уже пришли к единственно верному заключению.

— Гм... думаю, он ушел в... — Флинт кашлянул, чувствуя неловкость, что приходится передавать столь личную информацию об одной части Божества другой.

Александра шагнула ближе и застыла, как соляной столб, затем посмотрела прямо ему в глаза, применяя технику оптического гипноза.

— Говори, где он.

Повелительная интонация довершила дело.

— Михаил ушел в Глэйд, — обреченно кивнув, произнес Флинт.

Александра пыталась подавить шок, но впервые в жизни забыла правила Вспышки. Мощная